

Беатрикс Поттер

Флопси, Мопси и Ватный Хвост

Узгаметасмба

„Д.С.М.“

Перевод
Ирины Токмаковой

Беатрикс Поттер

**Флопси, Мопси
и
Ватный
Хвост**

*Художник
Алла Упатова*

Москва
«Дом»
«Лабиринт-К»
1996

Сказка про Питера-кролика

Жили-были на свете четыре крольчонка, и звали их так: Флопси, Мопси, Ватный Хвост и Питер.

Жили они со своей мамой на песчаном берегу в кроличьей норе под корнями высоченной ели.

Однажды утром мама Крольчиха сказала:

— Ну, детки дорогие, можете погулять в поле или побегать в переулочке вдоль живой изгороди. Но только не вздумайте подходить к огороду мистера Мак-Грегора! С папой ведь там и случилось несчастье: он угодил в пирог, который пекла миссис Мак-Грегор. А теперь бегите, да глядите, не попадите в беду. А мне нужно идти по делам.

Сказав это, мама Крольчиха взяла корзинку и зонтик и напрямик через лес направилась в булочную. Там она купила буханку чёрного хлеба и пять сдобных булочек с изюмом.

Флопси, Мопси и Ватный Хвост, а надо сказать, что были они послушными крольчатами, побежали вдоль живой изгороди собирать ежевику.

А Питер — его-то уж не заставишь слушаться! — по-

скакал напрямик к огороду мистера Мак-Грегора и протиснулся в щель под калиткой.

Сначала он пожевал немного салата и зелёной фасоли. Потом поел редиски. А когда от редиски его затошнило, пошёл поискать петрушку.

И там, где кончались рамы огуречных парников, как вы думаете, на кого он наткнулся? Ясное дело, на мистера Мак-Грегора!

Мистер Мак-Грегор стоял на четвереньках и сажал капустную рассаду. Он тут же вскочил и, размахивая граблями, понёсся за Питером:

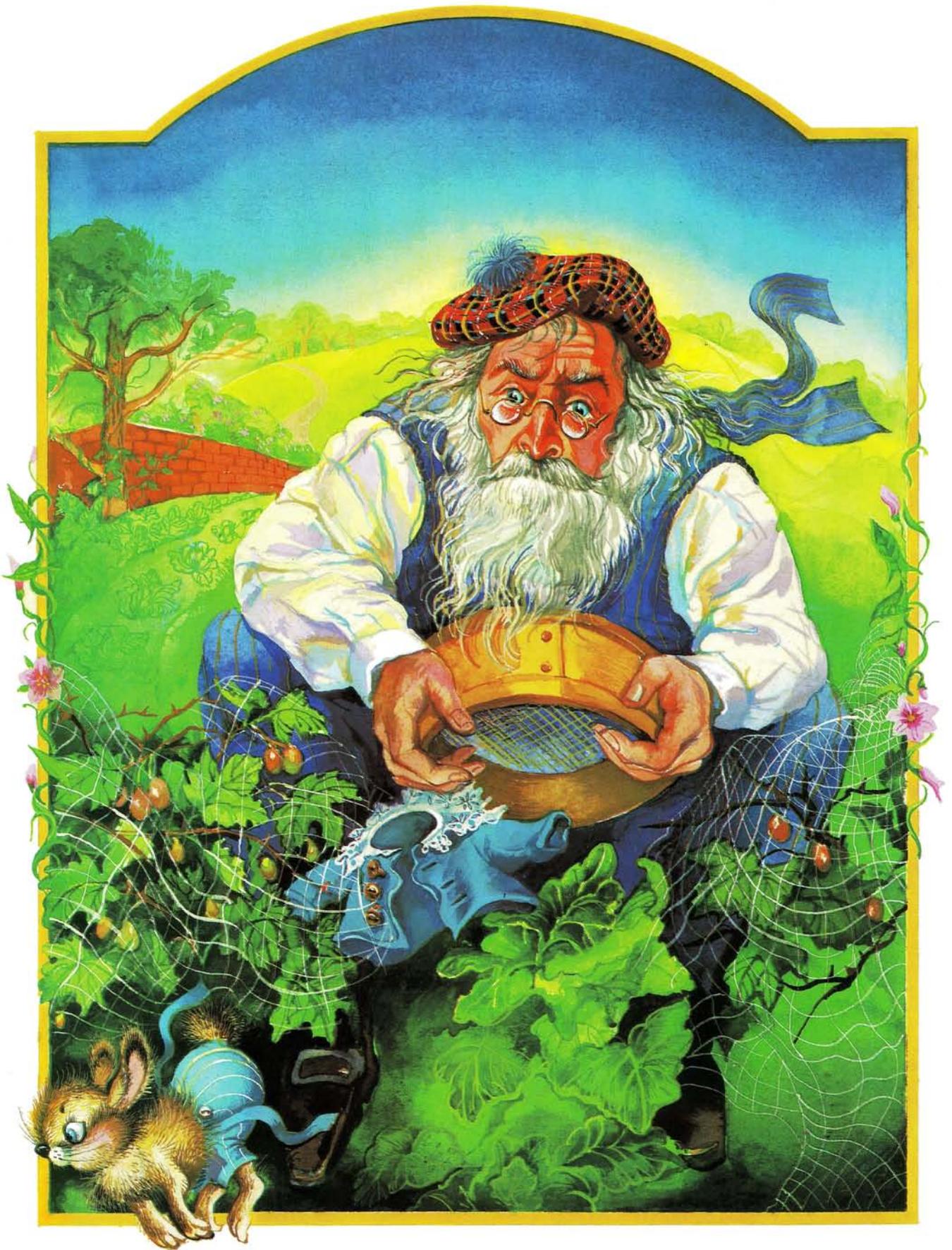
— Держи вора!

Питер страшно испугался. Он стал носиться по всему огороду, потому что забыл, где находится калитка.

Он потерял правый ботинок на капустных грядках, а левый там, где росла картошка. После того как ботинки потерялись, Питер помчался на всех четырёх лапах, и дело пошло быстрее. Может быть, ему бы и удалось спастись, да он налетел на сетку, которой мистер Мак-Грегор накрывал кусты крыжовника от птиц. Большие латунные пуговицы его новой курточки зацепились за сетку.

Питер решил, что пропал, и из глаз у него полились крупные слёзы. Но тут несколько знакомых воробьёв услышали его всхлипы. Они подлетели к кролику, страшно взволнованные, и стали умолять его не падать духом.

Мистер Мак-Грегор уже крался с решетом, которым он собирался накрыть Питера. Но Питер вывернулся из рукавов своей курточки как раз вовремя и удрал, оставив свою

совсем-совсем новую курточку возле куста. Он кинулся в сарай, и спрятался там на дне лейки мистера Мак-Грегора. Конечно, лейка вполне подходящее место, но в ней почему-то было ужас сколько воды!

Мистер Мак-Грегор и не сомневался в том, что Питер прячется где-то в сарае, ну, например, под пустым цветочным горшком. Он начал осторожненько переворачивать цветочные горшки, заглядывая под каждый из них.

И тут Питер-кролик чихнул:

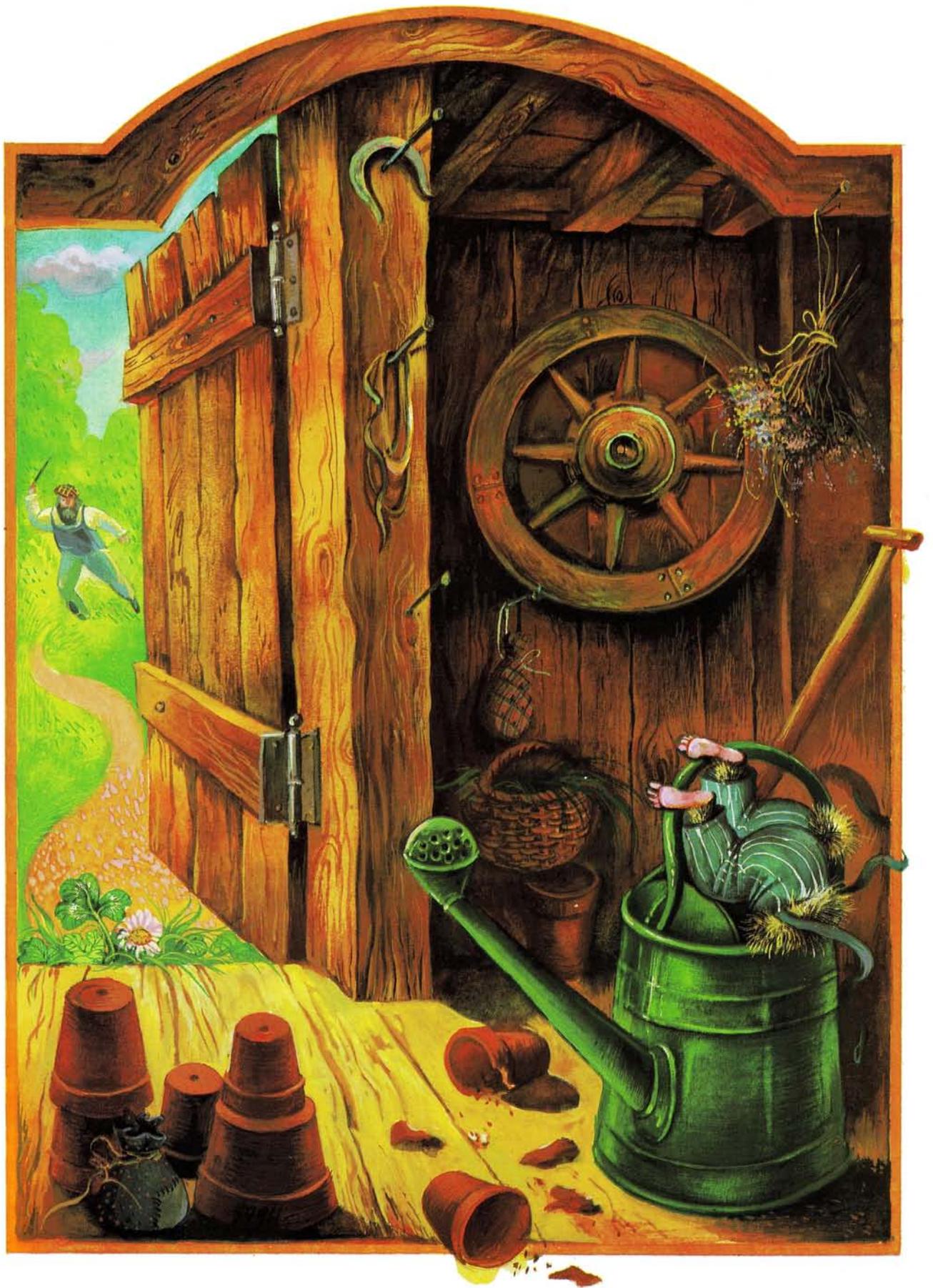
— Ап-ап-чх-х-хи!

Мистер Мак-Грегор кинулся к Питеру и даже попытался наступить на него ногой, но Питер успел выпрыгнуть в окно, перевернув при этом три горшка с геранью. Окошко было слишком маленькое — мистери Мак-Грегору не пролезть. И вообще ему надоело гоняться за Питером. Он вернулся к своей капусте.

Удрав от мистера Мак-Грегора, Питер присел, чтобы перевести дух. Он запыхался и весь дрожал от страха. Вдобавок он до костей промок, сидя в лейке. И теперь совершенно не представлял себе, куда бежать.

Отдышавшись, Питер боязливо засеменил к калитке, но эта калитка была заперта, и, к тому же, толстенькому кролику под ней было не протиснуться.

Туда-сюда мимо калитки сновала Старая мышь. Она таскала горох и бобы для своего семейства, которое обитало в лесочке по соседству. Питер спросил её, как ему найти незапертую калитку, но мышь держала во рту такую огромную горошину, что не смогла ему ответить. Она только покачала головой.

И тогда Питер опять заплакал. Пытаясь найти выход, он пересёк сад наискосок, но от этого только ещё больше запутался. И вдруг неожиданно оказался возле пруда, откуда мистер Мак-Грегор таскал воду для поливки. На берегу сидела большая кошка и таращилась на золотых рыбок. Она сидела тихо-тихо, только время от времени кончик её хвоста шевелился, точно вёл какую-то свою собственную жизнь. Питер предпочёл незаметно прошмыгнуть. Он кое-что слышал о кошках от своего двоюродного брата Бенджамина Банни.

Он было направился назад к сараю, но вдруг услышал, как — чик-чок-чак — заговорила мотыга. Питер юркнул в кусты. Подождал. Вроде бы ничего особенного не происходило. Тогда он выбрался из кустов, вскарабкался на тачку и осторожно огляделся. Первое, что он увидел, был мистер Мак-Грегор, который окучивал лук. Он стоял к Питеру спиной, и — поди ж ты! — как раз за мистером Мак-Грегором и находилась та самая незапертая калитка.

Питер тихонечко слез с тачки и ринулся что было духу по тропинке за кустами чёрной смородины.

Мистер Мак-Грегор заметил его только на повороте. Питер проскользнул под калиткой, не обратив на него никакого внимания, и наконец-то оказался в безопасности — в лесочке возле огорода.

Мистер Мак-Грегор пристроил новую синюю курточку Питера и маленькие ботиночки к палке и сделал пугало — от дроздов.

А Питер в это время бежал без оглядки, не останав-

ливаясь, пока не оказался дома, под большой елью. Он так устал, что сразу плюхнулся на мягкий песочек, который устилал пол кроличьей норы, и закрыл глаза.

Мама Крольчиха готовила ужин. Она очень удивилась: куда же Питер опять подевал свою курточку и ботинки? Это уже вторая курточка и вторая пара ботинок, которые непослушный крольчонок потерял за последние две недели!

К сожалению, должна сказать, что Питер чувствовал себя не очень-то хорошо в этот вечер и ничего не смог объяснить маме.

Мама уложила Питера в постель и приготовила ему отвар из ромашки: «Одна столовая ложка на ночь».

А Флопси, Мопси и Ватный Хвост получили на ужин булочки, и молоко, и варенье из чёрной смородины.

Тро Бенджамин Банни

Однажды утром маленький кролик Бенджамин Банни сидел на берегу ручья.

Он наострил ушки и прислушался к тому, как — цоки-цок, цоки-цок — по дороге прошагал пони. Он был запряжен в двуколку. Мистер Мак-Грегор правил, а миссис Мак-Грегор сидела рядом в своём самом нарядном чепчике.

Как только они проехали, Бенджамин Банни проскользнул на дорогу и направился — прыг-дрыг-скок — в гости к своим родственникам, которые жили в лесу, как раз позади огорода мистера Мак-Грегора. В этом лесочке вообще было полно кроличьих нор, но в самой красивой, самой песчаной жила его тётушка и его двоюродные братцы — Флопси, Мопси, Ватный Хвост и Питер.

Тётя Крольчиха была вдовой и зарабатывала тем, что вязала из кроличьего пуха варежки и муфточки. (Я однажды купила пару её варежек на базаре). А ещё она продавала травы, и розмариновый чай, и кроличий табак, который на нашем, человеческом, языке называется «лаванда».

По правде сказать, Бенджамину не так уж и хотелось повидаться с тётёй. Он обошёл сосну сзади и чуть не споткнулся о своего двоюродного братца Питера.

Питер сидел один-одинёшенек. Он был завёрнут в красный носовой платок и выглядел очень несчастным.

— Питер, — спросил Бенджамин шёпотом, — куда подевалась твоя одёжка?

— Её теперь носит пугало на огороде у мистера Мак-Грегора, — сказал Питер и описал всё по порядку, как за ним гонялись по огороду и как он потерял свои ботинки и курточку с латунными пуговицами.

Бенджамин сел с ним рядом и стал уверять, что мистер Мак-Грегор уехал в своей двуколке, и миссис Мак-Грегор уехала с ним, и они наверняка пробудут в гостях целый день, потому что миссис Мак-Грегор надела свой самый нарядный чепчик.

В эту минуту раздался голос мамы Крольчихи:

— Ватный Хвост! Ватный Хвост! Нарви-ка мне ещё немного ромашек!

Питер сказал маме, что, может быть, он почувствует себя лучше, если пойдёт немного прогуляться.

И Питер с Бенджамином отправились вместе к дому мистера Мак-Грегора и взобрались на плоскую кирпичную стену, которая отгораживала огород от опушки леса. Со стены они ясно увидели пугало и на нём курточку с ботиночками Питера, а ещё — шотландский берет мистера Мак-Грегора.

Бенджамин сказал:

— Давай не будем протискиваться под калиткой, это портит одежду. Лучше спустимся по стволу старой груши.

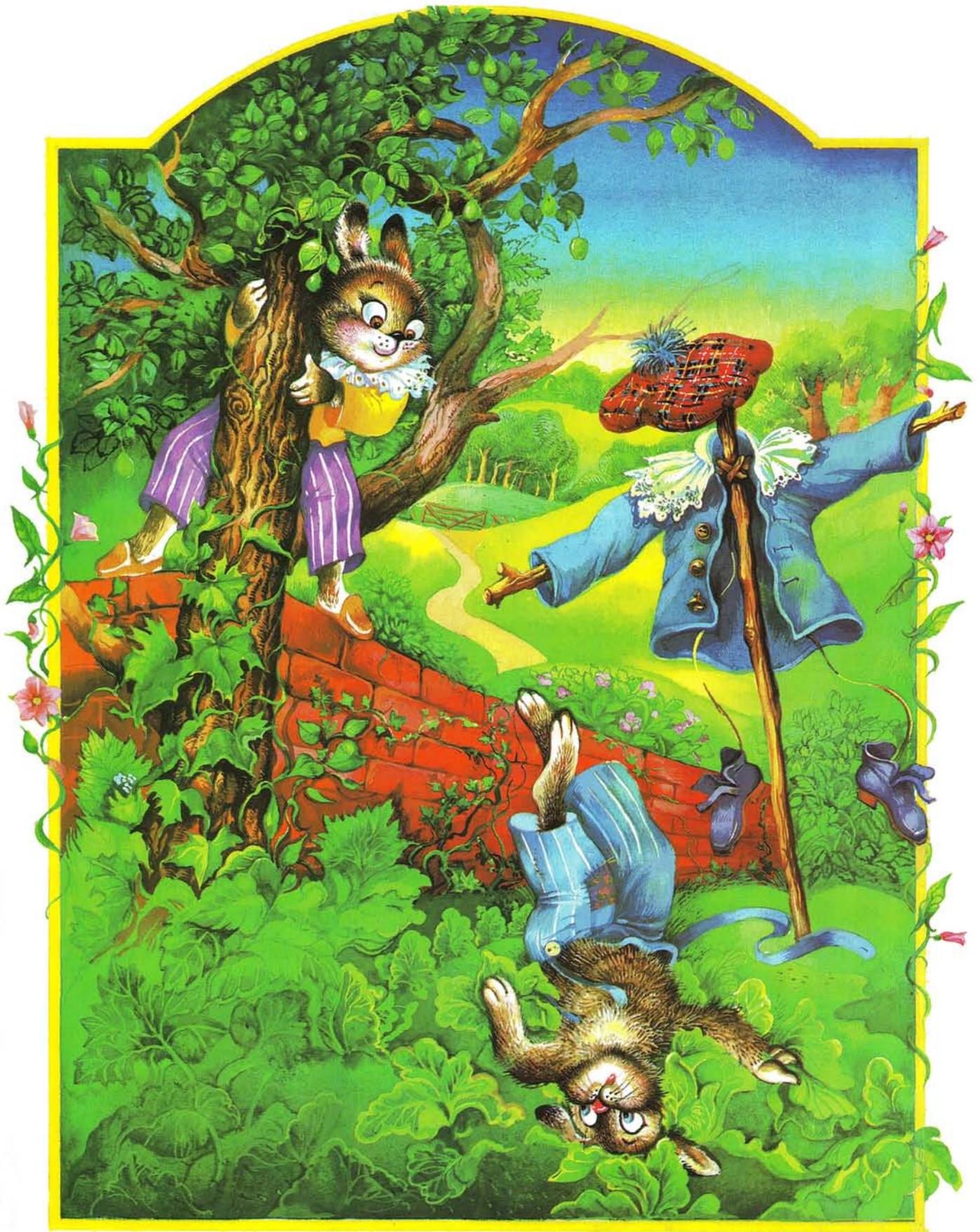
Питер свалился вниз головой на грядку, но ему не было больно, потому что грядку только что вскопал и взрыхлил мистер Мак-Грегор, и она оказалась совсем мягкой. На ней только-только всходил салат.

Братья оставили под старой грушей массу причудливых следов, особенно Бенджамин, потому что у него были деревянные башмаки.

Бенджамин сказал, что первым делом надо бы добыть курточку и ботинки Питера, тогда Питер сможет снять носовой платок, который им обязательно сгодится на что-нибудь другое.

Братья раздели пугало. Ночью шёл дождь, и в ботинки набралась вода. А курточка от сырости слегка села.

Бенджамин примерил шотландский берет мистера Мак-Грегора, но он был ему здорово велик.

Когда освободился носовой платок, Бенджамин предложил набрать в него луку и отнести его в подарок тёте.

Но Питер не мог ни о чём таком думать, потому что у него всё равно было плохое настроение. Хуже того: ему всё время слышались какие-то противные звуки.

Бенджамин, напротив, чувствовал себя великолепно. Он съел салатный лист. Потом объявил, что не раз бывал в этом огороде с папой (папу Бенджамин Банни, между прочим, звали Бенджамин Банни-старший): они запасались тут салатом к воскресному столу. А салат, надо заметить, у мистера Мак-Грегора был очень вкусный.

Питер ничего не ел. Он сказал, что ему хочется домой. Он даже рассыпал половину лука.

Бенджамин-младший ответил, что нечего и думать лезть на старую грушу со всей этой луковой поклажей. Он отважно направился в другой конец сада, туда, где была калитка. Питер ковылял за ним. Они прошли по дощечкам вдоль кирпичной стены.

Мыши, сидя на своих крылечках, разгрызали вишнёвые косточки и подмигивали Питеру Кролику и Бенджамину Банни.

Вдруг Питер снова выронил носовой платок с луком, потому что они очутились среди таких знакомых цветочных горшков, парниковых рам и кадучек. Питеру всё слышались звуки, ещё хуже прежнего, и глаза у него стали круглыми, как леденцы на палочках.

Он шёл на пару шагов впереди своего двоюродного брата и вдруг остановился. За углом была кошка!

Бенджамин-младший только взглянул на неё и тут же,

даже полсекунды не прошло, как он, и Питер, и лук в платке — все оказались под большой корзиной.

Кошка поднялась, потянулась, подошла и обнюхала корзину. Запах лука, что ли, ей понравился? Так или иначе, она разлеглась как раз на перевёрнутой корзине. На той самой. И не трогалась с места, наверное, часов пять.

* * *

Я не могу описать вам состояние Питера и Бенджамина, потому что под корзиной было темно. К тому же запах от лука был ужасный, и у братьев текли слёзы.

Солнце ушло за лес и день уже клонился к вечеру, а кошка всё ещё восседала на корзине.

Наконец послышалось — шлёп, шлёп-шлёп-шлёп — это покатались с кирпичной стены кусочки засохшего раствора.

Кошка подняла глаза и увидела старого мистера Бенджамина Банни, важно вышагивающего по стене верхней террасы в поисках своего сына. Он курил трубку с кроличьим табаком, а в руке держал прут.

Старый мистер Банни был невысокого мнения о кошках. Мощным прыжком он обрушился с верхней террасы на кошкину спину, согнал кошку с корзинки, пнул её хорошенько в бок и загнал в теплицу. В кулаке у него при этом остался клочок кошачьей шерсти. Кошка так удивилась этой неожиданной наглости старого мистера Банни, что даже не догадалась царапнуть его в ответ.

Когда кошка оказалась в теплице, мистер Банни запер за ней снаружи дверь.

Затем он выволок из-под корзины за уши своего сына Бенджамина и хорошенько отстегал его прутом.

Наказав сына, он вытащил своего племянника Питера и извлёк из-под корзины платок с луком. После чего торжественным шагом удалился из сада.

Когда через полчаса мистер Мак-Грегор вернулся домой, то кое-что в саду, прямо скажем, его изумило.

Создавалось впечатление, что кто-то вытоптал весь сад и огород деревянными башмаками. И следы были на удивление крошечные!

Но больше всего мистер Мак-Грегор удивился своей кошке, которая оказалась внутри теплицы и ухитрилась запереть дверь снаружи.

Когда Питер добрался до дому, мама на него не рассердилась, потому что была очень рада, что он нашёл свою курточку и ботиночки. Ватный Хвост с Питером аккуратно сложили красный платок, а мама Крольчиха заплела перья лука в косичку и подвесила его к потолку на кухне, рядом с пучками сухих трав и кроличьего табака.

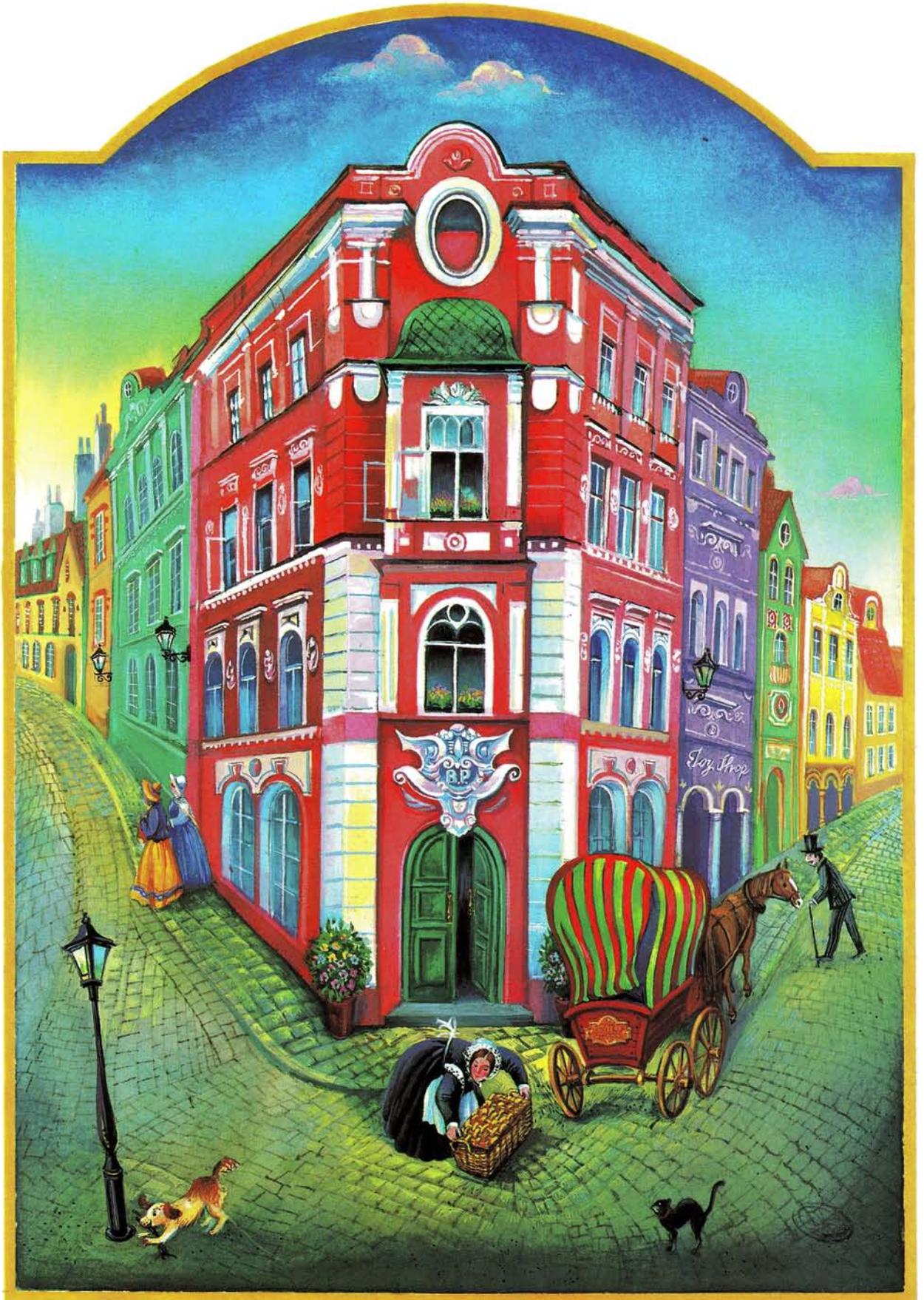
Тро Джонни — городского мышонка

Джонни-городской мышонки родился и жил в буфете. А Тимми Вилли родился в саду. Тимми Вилли был полевым мышонком.

Однажды по ошибке он отправился в город в большой плетёной корзине. Садовник раз в неделю отсылал овощи в город. Он упаковывал их в большую плетёную корзину с крышкой. В тот день, как обычно, садовник оставил корзину у ворот, так чтобы возница мог забрать её сам, когда будет проезжать мимо. Увидев большую корзину, Тимми Вилли решил узнать, что у неё внутри. Мышонки пролез в дырочку между прутьями, с удовольствием съел несколько горошин и сладко уснул.

Он очень испугался, когда проснулся и почувствовал, как корзину поднимают и кладут на телегу. Потом началась тряска, и послышалось цоканье копыт. Потом на телегу ещё что-то грузили, и время бесконечно тянулось — трюх-трюх-трюх и трюх-трюх-трюх, а Тимми Вилли дрожал, скорчившись среди беспорядочно подпрыгивающих овощей.

Наконец телега остановилась перед домом. Корзину сгрузили и поставили на пол в кухне. Тимми Вилли слышал, как кухарка расплатилась с возницей, потом хлопнула кухонная дверь, а цоканье копыт затихло. Но Тимми Вилли всё равно чувствовал себя беспокойно. С улицы доносился грохот колёс, лаяли собаки, свистели мальчишки, кухарка смеялась, горничная бегала туда-сюда, а канарейка заливалась, точно паровозный свисток.

Тимми Вилли, который всю жизнь прожил в саду, испугался, прямо скажем, до смерти.

Наконец кухарка открыла корзину и стала доставать овощи.

Перепуганный Тимми Вилли выскочил из корзины, а кухарка, подпрыгнув от страха, завопила:

— Мышь! Мышь! Скорее зовите кошку! Несите быстреей кочергу!

Тимми Вилли не стал дожидаться, когда принесут кочергу. Он помчался вдоль плинтуса и, увидев маленькую дырочку в полу, юркнул в неё. Он пролетел с полфута и рухнул в подпол прямо на обеденный стол, с маху разбив три стакана.

— Кто бы это мог быть? — спросил перепуганный Джонни-городской мышонок. Правда, после первого испуга он быстро пришёл в себя, и к нему вернулись изысканные манеры.

Джонни вежливо представил Тимми Вилли другим девяти мышатам, которые сидели за столом. Тимми Вилли увидел, что все они в белых галстуках и что у них длинные-предлинные хвосты. У Тимми Вилли по сравнению с ними был такой незначительный хвостик! Джонни и его приятели

сразу это заметили, но они были слишком хорошо воспитаны, чтобы сказать об этом прямо, и только одна мышь спросила, не попадал ли он когда-нибудь в мышеловку.

Обед состоял из девяти блюд: не очень обильных, но очень изысканных. Почти все блюда были незнакомы Тимми Вилли, и он немного боялся их пробовать. Но к этому времени мышонки ужасно проголодались, да к тому же не хотел показаться невоспитанным. Правда, от непрерывного шума наверху он так нервничал, что даже уронил тарелку.

— Не обращай внимания, нам до них нет дела, — сказал Джонни. — И почему эти парни никак не несут десерт?

Надо сказать, что два мышонка, которые прислуживали за столом, перед каждой переменной блюд прорывались наверх в кухню. Несколько раз они кувырком влетали в комнату, смеясь и попискивая, и Тимми Вилли с ужасом узнал, что за ними гналась кошка. У него пропал аппетит. Мышонок почувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

— Попробуй заливного, — предложил Джонни-городской мышонки. — Не хочешь? Может, хочешь лечь спать? Я тебе покажу самую удобную диванную подушку.

В диванной подушке была дырка. Джонни сказал, что это самая лучшая постель и что её обычно предлагают только гостям. Но от дивана пахло кошкой! Тимми Вилли предпочёл устроиться без всяких удобств под каминной решёткой.

На следующее утро всё повторилось. Подавали отличный завтрак — для тех, кто привык завтракать салом. Но Тимми Вилли вырос на салате и корнеплодах.

Джонни и его друзья веселились под полом весь день,

а к вечеру вышли из норки и пошли бродить по всему дому. Они слышали, как горничная с грохотом уронила поднос, и вот теперь надо было пойти и, невзирая на кошку, подобрать крошки: сахар и капельки варенья.

Тимми Вилли мечтал оказаться дома — в своей тихой норке на солнечном берегу. Городская еда ему совсем не подходила, да и шум в доме был такой, что ни на минуту не удавалось заснуть. За несколько дней он сильно исхудал. Даже Джонни это заметил и поинтересовался, в чём дело.

Тимми Вилли рассказал ему про жизнь в деревне, про сад и про огород.

— Сдаётся мне, там, должно быть, очень скучно, — заметил Джонни. — И куда же ты деваешься, когда идёт дождь?

— Когда идёт дождь, я сижу в своей норке и чищу пшеничные зёрнышки и разные семена, которые собираю осенью. Я поглядываю на певчих дроздов на лужайке и на мою подружку Малиновку. А когда солнышко покажется снова, поглядел бы ты на мой сад — и розы, и гвоздики, и анютины глазки, и — никакого шума, только птички, только пчёлы, да ещё овцы на лугах жуют траву.

За разговором мышата не заметили, как из-за угла выскочила кошка. Но им повезло: мышата вовремя успели удрать.

— Опять эта кошка! — воскликнул Джонни, когда они укрылись в угольном погребе.

Там разговор возобновился.

— Я немного разочарован. Мы так старались быть гостеприимными, Тимоти Вильям.

— О, конечно, конечно, вы были очень добры, но я чувствую себя совсем больным.

— Наверно, твои зубы и твой желудок не привыкли к нашей пище. Может, ты поступил бы мудро, если бы вернулся домой в плетёной корзине, — посоветовал Джонни.

— Да! Да! — воскликнул Тимми Вилли.

— Мы, вообще, могли бы тебя и на прошлой неделе отправить, — сказал Джонни немного обиженно. — Разве ты не знаешь, что пустую корзину отправляют в деревню каждую неделю по субботам?

Итак, Тимми Вилли, попрощавшись со своими новыми друзьями, спрятался в корзине, взяв с собой на дорогу крошечку пирожного и завядший капустный листик. Наконец, после хорошенькой тряски, корзину благополучно поставили на землю в его родном саду.

Иногда по субботам мышонок выходил посмотреть на корзину, которую всё так же ставили возле ворот. Но уж теперь Тимми Вилли в неё не влезал, нет! Из корзинки тоже никто не показывался, хотя Джонни-городской мышонок обещал ему приехать в гости.

Прошла зима. Снова появилось солнышко. Тимми Вилли сидел возле своей норки, грелся на солнышке и принюхивался к запаху фиалок и весенней травы. Он наполовину уже и забыл, как ездил в город. И тут на песчаной дорожке, одетый с иголочки, с коричневым кожаным чемоданчиком появился Джонни.

Тимми Вилли встретил его с распростёртыми объятиями.

— Ты приехал в самое лучшее время в году, мы с тобой пообедаем пудингом из трав и посидим на солнышке.

— Гм, гм... Однако здесь сыровато, — сказал Джонни, перекидывая хвост через руку, чтобы тот не запачкался. — Что это за чудовищный шум? — удивился он.

— Это? — сказал Тимми Вилли. — Да это всего лишь корова. Я сбегая попрошу у неё молочка. Коровы совсем не опасные, если только, конечно, случайно не улягутся на тебя. А как поживают твои друзья?

— Средне, — вздохнул Джонни.

Тут выяснилось, почему он явился в гости такой ранней весной. Вся семья уехала на Пасху к морю, а кухарке за особую плату велено заняться генеральной уборкой и обязательно избавиться от мышей. У кошки родились четыре котёнка, и она придушила канарейку.

— Говорят, что это сделали мыши, но мне-то лучше знать! — сказал Джонни. — А это что ещё за грохот?

— Да это просто косилка на лужайке. Я принесу травки, чтобы устроить тебе постель. И вообще, Джонни, лучше бы тебе обосноваться в деревне.

— М-м-м, ладно, подождём до следующей недели. В этот вторник корзина не будет отправляться в город, пока они там у моря.

— Да, я уверен, что тебе и не захочется возвращаться в город, — сказал Тимми Вилли.

Но Джонни был городским мышонком и, конечно, захотел отправиться назад с первой же корзиной.

— В деревне уж слишком спокойно, — заявил он.

Одним нравится одно место, а другим — другое. Что до меня, то я больше люблю деревню, как Тимми Вилли.

Тро Миссис Тигги-Мисс

Жила-была на свете одна маленькая девочка, которую звали Люси. Жила она на ферме Литтл-таун, что значит — Городок. Девочка она была хорошая, только всё время теряла носовые платки!

Однажды вышла она во двор вся в слезах:

— Ой-ой-ой! Я опять потеряла свои носовые платочки. Целых три платочка и передничек! Не видел ли ты их, Полосатик?

Но полосатый котёнок молча продолжал мыть свои бленькие лапки.

Тогда Люси спросила рябую курочку:

— Курочка Сэлли, может быть, ты нашла мои носовые платочки?

Но рябая курочка кинулась к курятнику и ни к селу ни к городу громко закудаhtала.

— Я бегаю босиком, босико-ко-ком, босико-ком!

Тогда Люси спросила Малиновку, которая сидела на ветке.

Малиновка искоса взглянула на Люси блестящим чёрным глазом, перепорхнула через каменный забор и улетела.

Люси вскарабкалась на забор поглядеть на высокий холм за фермой: не там ли она потеряла свои носовые платочки. Люси увидела такой высокий холм, что вершина его терялась где-то в облаках, точно у него и не было никакой вершины!

И девочке показалось, что далеко-далеко на склоне холма на траве что-то белеет.

Люси стала карабкаться на холм так быстро, как только успевали её толстенные ножки. Она бежала по крутой тропинке — всё вверх и вверх, пока Литтл-таун не оказался под нею. Она могла бы, если бы захотела, забросить камешек прямо в трубу!

Вдруг Люси оказалась возле родничка, который, булькая, бил прямо из-под земли.

Кто-то поставил жестяной бидончик прямо под струю, и вода уже переливалась через край, потому что бидончик был немногим больше яичной скорлупки! И там, где песок на дорожке был влажным, на нём отпечатались множество каких-то малюсеньких следочков.

Люси побежала дальше.

Тропинка кончилась под большой скалой. Там зеленела невысокая травка. Были вбиты колышки, а между ними натянуты шнурочки, сплетённые из листьев рогоза. На шнурочках сушилось бельё, и было полно бельевых прищепок. Но платочков там не было! Правда, обнаружилось кое-что другое — дверь! Она вела прямо внутрь холма. А внутри холма за дверью кто-то напевал:

Блузочки-скатёрочки,
 Кружева-оборочки,
 Не осталось ни пятна,
 Всё — сплошная белизна!

Люси постучала разок, потом другой — песенка оборвалась и тоненький испуганный голосок спросил:

— Кто там?

Люси отворила дверь. И что бы вы думали, она увидела? Маленькую чистенькую кухоньку с полом, выложенным каменными плитами и с деревянными балками под потолком, как на любой кухне любой фермы. Только потолок был такой низкий, что Люси почти касалась его макушкой, и посуда на полках была малюсенькая, и вообще всё было крошечное. Тепло и уютно пахло свежевыглаженным бельём. А возле стола с утюгом в руке стояла очень маленькая толстенная тётенька и с опаской глядела на Люси. Подол её цветастого платьяца был подоткнут. Из-под платьяца виднелась нижняя юбка в полосочку, а спереди — широкий фартук. Её чёрный носик так и ходил ходуном, принюхиваясь: пых-пых-пых, а глазки мигали как звёздочки. А там, где у Люси из-под шапочки выбивались золотистые кудряшки, у хозяйки кухни из-под чепчика виднелись... ИГОЛКИ!

— Кто ты? — спросила Люси. — И не видала ли ты моих носовых платочков?

Маленькая тётенька присела в забавном реверансе:

— О да-да-да, с вашего позволения, сударыня, меня зовут миссис Тигги-Мигл, о да-да-да, с вашего позволения, никто не умеет крахмалить бельё лучше меня.

Тут она что-то вытащила из бельевой корзины и расстелила поверх одеяла, на котором гладила.

— Что это такое? — спросила Люси. — Это вовсе не мой носовой платочек!

— О нет, с вашего позволения, сударыня, это жилет папы-малиновки.

Миссис Тигги-Мигл прогладила его, аккуратно свернула и отложила в сторонку.

Потом она сняла что-то с деревянной перекладки, на которой сушилось бельё.

— Но это тоже не мой платочек! — сказала Люси.

— О нет-нет, с вашего позволения, сударыня, это скатерть из Дамаска. Она принадлежит Дженни-крапивнику. Очень неаккуратная птица. Заляпала всю скатерть смородинным вином. Смородинные пятна отстирываются с таким трудом!

Носик миссис Тигги-Мигл так и ходил ходуном — пых-пых-пых, а глазки мигали как звёздочки. Она взяла с плиты утюг погорячее.

— А вот и один из моих платочков! — воскликнула Люси. — И мой передничек!

Миссис Тигги-Мигл прогладила и его, расправила оборочки и загладила складочки.

— Ой, чудесно! — сказала Люси. — А что это такое жёлтое, длинное и с пальцами на концах, как у перчаток?

— А! Это чулки рябой курочки Сэлли. Посмотри, пятки совсем проносились, оттого что она всё время копается в земле. Она скоро совсем останется босой, — сказала миссис Тигги-Мигл.

— Ой, вон ещё один платочек. Но это ведь не мой? Он красный!

— О нет, с вашего позволения, сударыня, это платок мамы Крольчихи. Он весь пропах луком. Его пришлось стирать совершенно отдельно. И всё равно мне не удалось уничтожить запах.

— А вон и ещё один мой платочек! — сказала Люси. — А это что такое вон там, смешное, маленькое, беленькое?

— Это пара рукавичек полосатой кошечки. Она моет их сама, а я глажу.

— А вот и мой последний платочек! — обрадовалась Люси. — Скажите, а что вы макаете в тазик с крахмалом?

— Это прелестные манишки Тома-Титмауса. Такой привередливый мышонок, ужас! — сказала миссис Тигги-Мигл. — Ну вот и всё с глажкой, теперь мне надо развесить для просушки кое-что из выстиранного.

— А что это такое миленькое пушистенькое? — спросила Люси.

— Это шерстяные жакеточки ягнят из Скелгхила.

— Как? Разве их одёжки снимаются? — спросила Люси.

— Конечно, с вашего позволения, сударыня. Вон, посмотрите на метки на плече. Вот ещё одна — с меткой «Гейтсгард», а вот три, помеченные «Литтл-таун». Их всегда метят, прежде чем отправить в стирку! — сказала миссис Тигги-Мигл.

И она стала развешивать на верёвку выстиранное бельё: маленькие мышинные курточки, и чёрный кротовый бархатный жилет, и рыженькое беличье пальтишко, принадлежавшее бельчонку Орешкину, и невероятно севшую синюю куртку Питера-кролика, и ещё чью-то, неизвестно чью, нижнюю юбку без метки. Наконец корзина опустела!

После этого миссис Тигги-Мигл заварила чай и налила одну чашечку Люси, а другую себе. Они сидели на лавке возле камина и поглядывали друг на друга. Рука, которой миссис Тигги-Мигл держала чашку с чаем, была тёмно-коричневая, сморщенная, со следами мыльной пены. А из чепчика и платья миссис Тигги-Мигл торчали булавки острым концом наружу, так что Люси на всякий случай от неё отодвинулась.

Когда Люси и миссис Тигги-Мигл напились чаю, они уложили бельё в узелки. И носовые платочки Люси тоже упаковали в фартучек и закололи серебряной английской булавкой.

Они затушили огонь кусочком дёрна, забрали узелки с бельём, заперли дверь, а ключ спрятали под порожком.

Спускаясь с холма, миссис Тигги-Мигл и Люси встречали разных зверушек. Первыми — Питера-кролика и Бенджамина Банни. И миссис Тигги-Мигл отдала им чисто выстиранные вещички. Все звери и птицы были очень благодарны доброй миссис Тигги-Мигл.

И вот, когда Люси и миссис Тигги-Мигл спустились к самому подножию холма и оказались возле каменного забора, у них остался лишь один узелок с платочками.

Тут Люси вскарабкалась на забор и обернулась, чтобы пожелать миссис Тигги-Мигл доброй ночи и сказать ей спасибо, но — удивительное дело: миссис Тигги-Мигл не стала ждать «спасибо» и не спросила плату за стирку! Она уже бежала вверх, вверх, вверх по холму. И куда девался её чепчик в оборочках? И её шаль? И платье? И полосатая нижняя юбка? И какая она стала крошечная, и вся серая, и вся в КОЛЮЧКАХ! А как же иначе! Ведь миссис Тигги-Мигл на самом деле была просто ежихой.

Сказка про Джемайму Плюхввуду

Вот послушайте историю про утку — Джемайму по фамилии Плюхввуду, которую ужасно сердило, что фермерская жена не позволяла ей высидывать своих утят.

Хотя золовка утки Джемаймы миссис Ребекка Плюхввуду и говаривала ей:

— Ах, да пусть их высидывает, кто хочет! У меня не хватает терпения просидеть на гнезде двадцать восемь дней. И у тебя не хватит, Джемайма! Поверь мне, ты этих невылупившихся птенцов непременно простудишь!

— Нет, — упрямылась Джемайма. — Я хочу сама вывести утят. И выведу!

Она было попробовала припрятывать яйца, но их всегда кто-нибудь находил и забирал. Джемайма Плюхввуду пришла в полное отчаяние. И тогда она решила устроить себе гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Стояла прекрасная весенняя погода. Джемайма двинулась в путь вдоль просёлочной дороги. Дорога эта взбиралась на невысокий холм. На Джемайме была дорожная одежда — шаль и шляпка с высокими полями.

Джемайма доковыляла до вершины холма и в отдалении разглядела лесок. Ей показалось, что как раз там она и найдёт себе спокойный приют.

Надо признаться, что Джемайма Плюхвуду не очень-то умела летать. Она кинулась с холма вниз — в сторону лесочка, размахивая шалью, а затем, неуклюже подпрыгнув, поднялась в воздух. Понемногу полёт её выровнялся, и лететь стало легче. Она поплыла по воздуху над вершинами деревьев и вскоре заметила полянку посреди леса, на которой не росли ни дубы, ни ели, и не валялось ни ветвей, ни сучьев.

Джемайма опустилась на землю и заковыляла своей обычной походкой вперевалочку в поисках сухого и удобного местечка для гнезда.

Она приглядела пенёк в зарослях наперстянки, или, как этот цветок ещё называют, лисьего уха. Но подойдя поближе даже вздрогнула — на пеньке сидел элегантно одетый господин и читал газету. У него были острые ушки и песочного цвета усы.

— Кряк? — сказала Джемайма, склонив голову слегка набок. — Кряк?

— Вы заблудились в лесу, сударыня, не так ли? — спросил он.

У элегантного господина, глядевшего на неё поверх газеты, был длинный пушистый хвост, который он подстелил под себя, поскольку пенёк был слегка сыроват.

Джемайме подумалось, что он очень учтив и что выглядит премило. Она объяснила своему новому знакомому, что нет, она не заблудилась, а просто ищет удобное местечко для гнезда.

— Ах, вот оно что! — воскликнул господин с песочными усами, разглядывая Джемайму.

Он сложил газету и засунул её в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые как ни крути, уж очень много на себя берут.

— В самом деле? Как интересно! — заметил учтивый господин. — Хотел бы я встретиться с этими птицами. Я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, — продолжал он, — то тут не возникнет никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы, моя дорогая, там никому не мешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повёл её в сторону унылого вида домишки, стоящего в густых зарослях. Домишко был сооружён из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на крыше две бадейки без доньшек, одетые одна на другую, изображали трубу.

— Это моя летняя резиденция, — проговорил учтивый господин. — В моей зимней норе... ммм... я хочу сказать, в моём зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краёв заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато какие они были мягкие и тёплые!

Джемайма Плюхвуду слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему она себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда Джемайма появилась в дверях сарая, господин с

Он сложил газету и засунул её в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые как ни крути, уж очень много на себя берут.

— В самом деле? Как интересно! — заметил учтивый господин. — Хотел бы я встретиться с этими птицами. Я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, — продолжал он, — то тут не возникнет никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы, моя дорогая, там никому не мешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повёл её в сторону унылого вида домишки, стоящего в густых зарослях. Домишко был сооружён из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на крыше две бадейки без доньшек, одетые одна на другую, изображали трубу.

— Это моя летняя резиденция, — проговорил учтивый господин. — В моей зимней норе... ммм... я хочу сказать, в моём зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краёв заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато какие они были мягкие и тёплые!

Джемайма Плюхввуду слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему она себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда Джемайма появилась в дверях сарая, господин с

песочными усами сидел на бревне и опять читал. А может, и не читал. Кто его знает. Во всяком случае газета была развёрнута, и он опять поглядел на утку поверх газетного листа.

Учтивый господин выразил сожаление, что Джемайма должна была на ночь вернуться на ферму. Он обещал, что постережёт её гнёздышко до завтра, пока она не вернётся. К этому он добавил, что обожает утиные яйца и маленьких утят. И ещё заметил, что он бесконечно горд от того, что в сарае скоро будет гнездо, полное утиных яиц.

С того самого дня Джемайма Плюхвуду являлась в сарай аккуратно каждый день после обеда. И в конце концов в гнезде оказалось девять яиц. Они были зеленовато-белые и рыжему господину очень пришлись по душе. Когда Джемайма отсутствовала, он их пересчитывал и переворачивал для собственного удовольствия.

Наконец Джемайма объявила, что с завтрашнего дня она начинает высиживать утят.

— Я принесу с собой мешочек зерна, — добавила она. — Потому что пока утята не вылупятся, я не должна покидать гнезда. Они могут простудиться.

— Сударыня, не извольте беспокоиться и не носите никаких мешочков! — воскликнул господин с песочными усами. — Я буду каждый день доставлять вам столько овса, сколько пожелаете. Но до того, как вы приступите к вашему утомительному сидению, — продолжал он, — я хочу вас как следует угостить. Давайте с вами вместе пообедаем, только вы и я — и никого больше! Я попрошу вас принести кое-какие травки из огорода, чтобы мы могли приготовить ду-

шистый... ммм... омлет. Пучок шалфея, ну там ещё немного тимьяна, пару листочков мяты и две луковицы. Да, и не забудьте петрушку! А я принесу остальное, чем нафаршировать... ммм... я хочу сказать, с чем приготовить омлет.

Джемайма Плюхввуду была настоящей простушкой: даже упоминание о луке не возбудило у неё никаких подозрений. Она безмятежно бродила по огороду и отщипывала разные травки, которые употребляются в тех случаях, когда готовят фаршированную утку!

Мало этого, она ещё и на кухню забрела и взяла из плетёной корзины две головки репчатого лука.

Когда она выходила из кухни, навстречу ей попался коли по имени Кеп.

— Зачем это тебе понадобился лук? — спросил он строгим голосом. — И куда это ты ходишь каждый день в полном одиночестве, а? Отвечай, Джемайма Плюхввуду!

Джемайма всегда побаивалась этого коли и со страху выложила ему всё как есть.

Коли слушал, склонив набок свою мудрую голову. Он ухмыльнулся, когда она описывала учтивого господина с песочными усами.

Коли хорошенько расспросил её, где в точности находится этот лес и где в нём расположены дом и кривобокий сарай.

И, не добавив больше ни слова, повернулся и пошёл по деревенской улице. Он отправился на поиски двух подросших щенков фокстерьера, которые имели обыкновение носиться за тележкой.

А Джемайма Плюхвуду спешила по просёлку, который взбирается на невысокий холм и ведёт в сторону леса. День был солнечный и жаркий. Ей было тяжело тащить все эти пучки зелени да ещё и две луковицы в придачу.

Но она всё-таки долетела до леса и приземлилась рядом с домом, где жил длиннохвостый господин. Он восседал на бревне, время от времени принюхивался и оглядывался на лесную опушку.

— Давай, пошевеливайся! — резко сказал он Джемайме. — Небось побежишь сначала любоваться своим сокровищем! Ступай в сарай — да быстро!

«Что-то он подрастерял свою обычную учтивость!» — подумала Джемайма. До сих пор ей не приходилось слышать, чтобы он говорил в таком тоне. Ей стало не по себе.

Джемайма пересчитала своих будущих утят, и тут до её слуха донеслись звуки шагов, огибавших сарай. Под дверью показался к чему-то принюхивающийся чёрный нос. Вслед

за этим кто-то запер дверь снаружи. Джемайма струсила не на шутку.

А через минуту послышался ужасный шум — рычание, лай, вопли, визг и скулёж.

И вскоре умный и отважный пёс Кеп отпер дверь сарая и выпустил дрожащую пленницу.

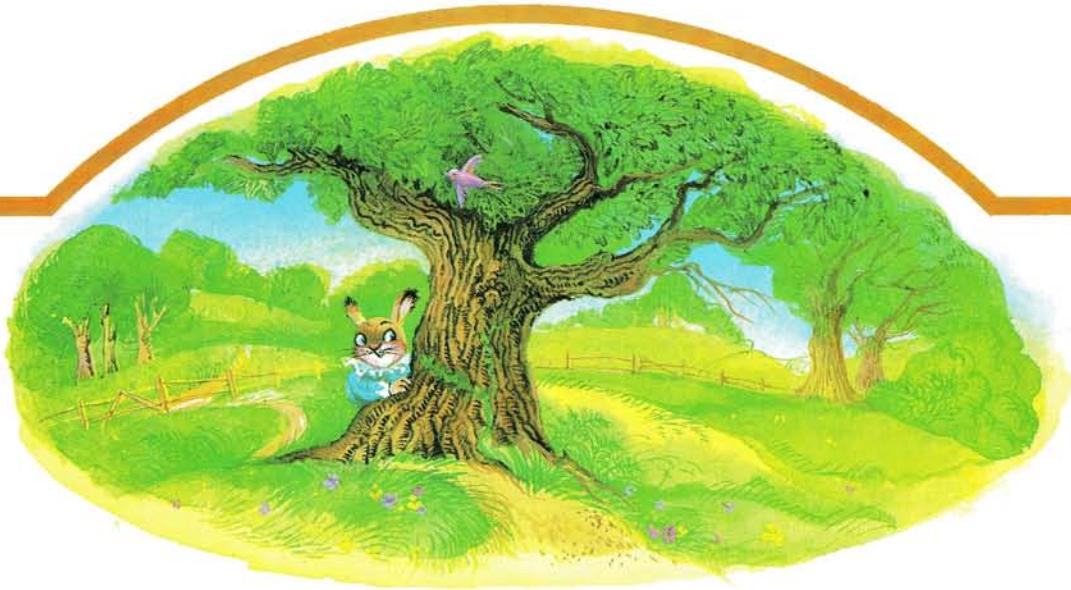
Увы! Щенки фокстерьера заскочили в сарай, и не успела Джемайма опомниться, как они перебили все утиные яйца.

У Кепа было прокушено ухо, а оба щенка хромали на все лапы. А господин с песочными усами куда-то исчез навсегда.

Джемайму проводили домой. Глаза её были полны слёз, так ей было жаль своих зеленовато-белых яичек.

В июне она снесла ещё несколько яиц, и ей разрешили оставить их себе. И вскоре у неё вылупились четыре утёнка.

Содержание

<i>Сказка про Питера-кролика</i>	<i>5</i>
<i>Про Бенджамина Банни</i>	<i>12</i>
<i>Про Джонни-городского мышонка</i>	<i>19</i>
<i>Про Миссис Тигги-Мигл</i>	<i>29</i>
<i>Сказка про Джемайму Плюхводу</i>	<i>38</i>

ББК 84.4Вл
П64

П64 Поттер Б.
Флопси, Мопси и Ватный Хвост: Сказки /Пер. с англ. И.Токмаковой. Илл. А.Ипатовой. — М.: Дом, 1996. — 48 с.: ил.

ISBN 5-85201-307-2

Героев сказок известной английской писательницы Беатрикс Поттер (1866-1943) знают и любят ребята всего мира. Наши маленькие читатели уже знакомы с некоторыми персонажами сказок: с кроликом Бенджамином Банни и его друзьями, с мышонком Джонни, но только по мультфильмам. Теперь любимцы миллионов телезрителей перекочуют с голубых экранов на страницы нашей книги.

П 4804010100-016
062(02)-96

ББК 84.4Вл

ISBN 5-85201-307-2

© Перевод. И.Токмакова, 1996
© Иллюстрации. А.Ипатова, 1996
© Издательство «Дом», 1996

*По всем вопросам,
связанным с приобретением
этой книги оптом и в розницу,
обращаться в ТОО «Лабиринт-К» по адресу:
Москва, Ломоносовский пр-т, д. 31, корп. 2.*

*Телефон: (095) 932-75-69
телефон, факс 931-07-59*

Литературно-художественное издание
Для младшего возраста
Беатрикс Поттер
ФЛОПСИ, МОПСИ И ВАТНЫЙ ХВОСТ
Сказки

Редактор *Т.С. Волкова*

Компьютерный набор, верстка *Г.В. Балашова, Е.О. Томина*

Техническое редактирование *Л.А. Каменева*

Корректор *И.Л. Панкратьева*

ЛР № 030077 от 16.08.91.

Подписано в печать 15.02.96. Тираж 20 000 экз.

Издательство «Дом» Российского детского фонда.

101000, Москва, Мясницкая ул., 17.

